

УДК 1:2+2:1+59.93

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.55>

Иллюзорно-бытовые и иллюзорно-религиозные аспекты ощущения зрения

Н. С. Коноплёв

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрено ощущение зрения контекстом раскрытия его религиозного и бытового срезов, оказывающих разноаспектное – как положительное, так и негативное – воздействие на воспринимаемую извне информацию. Под влиянием научно-технической революции, свидетельствует автор, иллюзорность зрения способна перестроиться только на положительную самоотдачу.

Ключевые слова: зрительные ощущения, время, иллюзии, фантазия, быт, религия, бытие, небытие, негативная диалектика, позитивная диалектика, ситуация тупика, антропное и телесное начало в индивиде.

Для цитирования: Коноплёв Н. С. Иллюзорно-бытовые и иллюзорно-религиозные аспекты ощущения зрения // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2019. Т. 27. С. 55–66. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.55>

Место соответствующих бытовых иллюзий в реализации зрительных ощущений. Иллюзии (настоящий текст посвящен рассмотрению ощущения зрения с вытекающими отсюда «иллюзорным настроем») как неадекватное – «обманное» – воспроизведение действительности правят людьми путем создания «очевидного» (т. е. опять-таки обманного, но реально выступающего в качестве «аутентичного», и это логика иллюзорного мироощущения) тупика, куда попадают невольно втягивающиеся в него вполне объективированные, не зависящие ни от каких иллюзий противоречия. Сложно выразить характер соотношения между социально насыщенными (а речь у нас идет именно о них) противоречивостью и тупиковостью. Но если мы не сумеем положительно оценить указанную ситуацию, трудно будет раскрывать значимые для нас действенные компоненты иллюзий.

Обращаясь к теме иллюзий, мы прежде всего обнаруживаем их в дистантных ощущениях. Оттого – как выше упомянуто – и начинаем с выявления возможностей зрения (дистантное ощущение слуха оставляем за пределами анализа). Это ощущение призвано утвердить индивида устойчиво заданным пространством как актуальной функцией устойчивости – одной из двух (вторая – изменчивость) сторон движения (попутно укажем на то, что пространство макромира – важная, но не единственная предметно воспроизводимая функция устойчивости как чрезвычайно значимой стороны движения – универсального способа существования материального мира). Находясь в границах устойчивости, человек благотворно использует это состоя-

ние для сохранения своих важнейших качественных показателей. Противоречия создают ситуацию, связанную с тем, что каждый из нас подвержен пребыванию в двух измерениях. С одной стороны, коль скоро речь заходит о противоречии, мы имеем дело с реальной действительностью, т. е. со всем тем, что нас окружает и где мы какое-то время (пока противоречие не приходит в действие) чувствуем себя вполне уверенно. Мы вписаны в обыденные социальные связи, и это предопределяет наше существование как устойчивое, преисполненное традиций. Благодаря им гармонично – с диалектической промеренностью – раскрываются жизненные противоречия. Именно традиции, ввиду их стремления сохранить любую систему в неприкосновенности (так как в противном случае они утрачивают свой статус), настраивают таящиеся в рассматриваемой системе противоречия на необходимо выразимую самоотдачу. Они служат стимулятором обращения противоречия в вытекающие из него противоположности – парные, но взаимоисключающие, разнонаправленные сущности. Такова объективная – она же позитивная, т. е. связанная с законом двойного отрицания, – диалектика. С другой стороны, противоречие может обернуться «нечаянным» (его «нечаянность» – результат объективации «подпольно-незаконного» вмешательства иллюзий в процесс разрешения противоречий) тупиком в случае поглощения противоположностями системно закрепленных традиций. Древность (Пифагор, 570–490 до н. э.) это воспринимала как уступку Хаосу со стороны Космоса. Владя современным категориально-понятийным аппаратом, мы, опираясь на него, присоединяемся к античному толкованию вселенской тупиковости. Тупик (рассматриваемый текстом настоящей статьи в его – указали мы – преимущественно социально воспроизводимой репрезентативности), возникнув из «иллюзорной неадекватности», уже вполне серьезно, т. е. на деле, замещает противоречие, выступая фокусом так называемой негативной диалектики. Последняя – руслом отмеченных нами античных наблюдений – замещана на беспорядочной изменчивости в границах той или иной разрушаемой ею (т. е. данной вариацией негативной диалектики) предметной целеположенности мира. На изломах устойчивости и «вспыхивает» негативная диалектика. Так, становящийся организм задействован законами позитивной (законом единства и борьбы противоположностей, законом перехода количественных изменений в качественные, законом *отрицания отрицания* – он же закон двойного отрицания) диалектики. Завершая рост, он на какое-то время пребывает в равновесии, а затем скатывается к своему финалу, тупиково завершающему диалектику. Но теперь эта «финальная диалектика», становясь «рецидивно ущербной» (закавычивая эти два слова, мы подчеркиваем вполне законосообразное присутствие негативной диалектики в диалектике позитивной, и эта проблема требует самостоятельного освещения), предстает вполне негативной. Тупик прочерчивается ее основанием и фокусом. Они позволяют ему «ставить подножку» позитивно-диалектическому противоречию. Сказанное свидетельствует о нерешенных проблемах, связанных с раскрытием природы человека (природа человека – высшее состояние Вселенной; речь же может идти о всех ее

уровнях с их негативно-диалектическими интенциями, подстраивающимися под «диалектический позитив»). Отражение на чувственном уровне – одна из таких проблем: ее следует учитывать при обсуждении иллюзорно-компенсаторной деятельности наших ощущений.

Иллюзия как образ и ее возможности. На плотно наслаиваемых друг на друга – повторимся – вынужденных переборах отмечаемой беспорядочности затверждается тупик. Если мы применим рассматриваемые положения к объяснению иллюзорности, без которой субъект не может обойтись (так как только он оперирует ею), то вскрывается ее многоаспектность. Складываясь не только в качестве неадекватно осуществляющегося отражательного инструмента, а находясь в непосредственной зависимости от субъекта, иллюзия вполне нормально информирует субъекта об окружающем мире. Но в случае тупиковости, также характеризующей иллюзию, последняя выводит содержание субъекта за пределы действительного – в сферу возможного, не укладывающегося в настоящий момент. Эта несостыковка в дальнейшем порождает как бы вневременное развертывание иллюзии (употребляя неопределенное словосочетание «как бы», мы указываем на не выявленное до конца толкование времени, и существующие сегодня четыре – субстанциальная, реляционная, статическая и динамическая – его концепции наглядно об этом свидетельствуют), и тупик становится ее неупорядоченным результатом. С одной стороны, дающая нам образ предметного мира иллюзия является посредником между субъектом, которому она принадлежит, и самим этим миром. Но, будучи посредником, иллюзия обладает значительной самостоятельностью. Теперь уже она диктует отношение субъекта к реальной действительности, по-своему ее очерчивая. Это – т. е. «по-своему» – определяется тем, что отражательная специфика иллюзии выполняет такую нагрузку, согласно которой она, подчиняясь непосредственно субъекту, прежде всего занята его утверждением здесь – на земле. Значит, мир нужно постичь (или частично преодолеть), чтобы в нем утвердиться. Иллюзия-образ занята поиском приспособительной ситуации для самоутверждения субъекта. Мы связали «образ» и «иллюзию» в одно терминологическое словосочетание. Это объясняется тем, что иллюзия есть внутреннее состояние образа. Конечно, иллюзия – очевидный образ, т. е. она всегда сохраняется в качестве более или менее «правдивого» отражения предметного мира (и это представлено ее внешним – собственно отражательным – уровнем). Однако внутренним содержанием иллюзии будет то, благодаря чему она предстает в своей подчиненности субъекту деятельности. Иллюзия, повторимся, двойственна, она принадлежит как субъекту, так и предмету окружающего мира (без которого субъект бессилен что-либо предпринять). Тем самым иллюзия выполняет дистантно-контактные функции (хотя основное ее назначение уязвано «дистантностью»). Однако зримая составляющая иллюзии, как мы знаем, связана прежде всего с дистантным ощущением зрения.

Собственно иллюзорный срез образа, т. е. то, что составляет его – образа – внутреннее содержание, принимает решение, как мы сказали, исходя из

интересов субъекта. Его интересует не только отражательное отношение к миру, субъект должен использовать мир в жизненных интересах, и это позволяет ему, субъекту, «опустить» дистантное ощущение зрения на позиции его контактной преломляемости (и связанная со зрением иллюзия содействует осуществляемому переводу). При таком рассмотрении иллюзии она, как было сказано, выступает условием «оборачиваемости» противоречия тупиком. Последний значим в том плане, что, благодаря ему как выражению кратковременной «передышки» для отражательного процесса происходит перемещение результатов отражения с верхнего этажа образного видения мира на иллюзорный уровень. Если учесть важное обстоятельство, согласно которому человеческая чувственность постоянно контролируется высшей нервной деятельностью, нет ничего особенного в том, что тупик как «остановка в пути» является явным подспорьем в отнесении объективированной информации в человечески насыщенную иллюзию. Уже не воспроизводимый образ, но иллюзия становится настоящим воплощением субъектности, ее действенным приобретением. К примеру, я вижу вдалеке идущего путника, он для меня – *мальчик-с-пальчик*. Значит, наблюдаемый индивид обладает видимой для меня иллюзорностью. Взглянув первоначально на тот или иной предмет, я тем самым отразил его как *этот* предмет. Но он предстал для меня не как этот предмет, но как *иной* предмет ввиду неперемногого его перевода на уровень иллюзии. Однако, обладая рассудком, я постоянно корректирую иллюзорно воспроизводимую данность именно как таковую (т. е. иллюзорную). И это продолжается до того момента, когда схваченный мною издали *мальчик-с-пальчик* не приблизится ко мне и не примет внеиллюзорную для меня, но соответствующую его жизненному статусу форму. Выходит, я – все-таки – адекватно его воспроизвел, и *практика* взаимодействия демонстрирует правильность опоры на рассудок, изначально поставивший под сомнение иллюзорное восприятие находящегося вдалеке человека: рассудок подсказал мне верное «прочтение» ситуации. Тем не менее при направленности субъекта на предмет (становящийся в этом случае объектом) чувственно он, предмет, всегда, независимо от рассудка, оборачивается своей иллюзорной, т. е. неадекватной, запечатленностью. Вот я вижу лицо собеседника и соображаю, что иначе быть не может. Однако я должен знать, что передо мною – образ упомянутого лица, который (т. е. образ), будучи прозрачным, создает иллюзию действительного облика того, с кем я общаюсь. Для повседневна сказанное не играет особой роли, но за его пределами мы должны твердо знать, что образ (объект) и предмет восприятия репрезентируют разноаспектные установки и рассудочный подход, к сожалению, может оказаться безуспешным.

Роль разума весьма пригодна в изначальном (обусловливаемом расстоянием) преодолении зрительных иллюзий (труднее – повторимся – действовать рассудку, когда образ складывается в контактном обороте событий). Вместе с тем без иллюзий, как мы уже отметили, человек прожить не может, поскольку они обустроивают жизнь, делают ее приспособленной к осуществлению наших потребностей. Мы знаем благотворное воздействие цве-

та. Однако в реальной действительности вместо цвета наличествует волновая процессуальность, воспроизводимая зрением как цвет. Это понимали еще древние греки, выделяя первичные и вторичные качества. Последние выражают субъективное «прочтение» объекта, и в этом отношении иллюзия, складываясь на сопричастности субъекта к объекту, предоставляет субъекту широкую возможность жизненного самоутверждения.

Время в фокусе бытийно-небытийного аспекта иллюзий. Это важное положение о статусе субъекта можно развернуть в следующей временной раскрутке. Время здесь служит мерой отсчета сменяемости отражательных и зрительно-иллюзорных событий: оно, рассматриваемое с идущих из архаики позиций, выступает линией перехода от бытия к небытию. Само же время не соотносимо с ними. Не свидетельствуя о них, оно лишь указывает на возможные характеристики бытийно-небытийных ситуаций (коль скоро небытийность создает условия для ее событийной интерпретации). Мы сами должны решать степень состоятельности иллюзий под углом зрения перехода бытия в небытие. Являются ли иллюзии бытийно состоятельными или только небытием охвачены они вместе со своим антуражем – трудно об этом говорить. Но важно, что без иллюзорного самовыражения бытие оказывается как бы лишенным своей тени: стало быть, оно не может преодолеть небытие. Поскольку же отношение к миру складывается лишь в человеческом измерении, когда бытие и небытие выступают его средствами, стоит продолжать рассматривать иллюзорность ее сведением к бытийно-небытийному «прокату». Сложность заключается в том, что иллюзия, будучи бытийной, тут же оборачивается небытийностью, поскольку последняя как вневременная стремится спрятать ее – иллюзию – от непосредственного схватывания нашим зрением. Однако в нужный момент иллюзия, окутываясь бытийностью, становится «неожиданным подарком» для противоречия, заводя его в тупик. Время здесь может быть рассмотрено с позиций динамической – когда прошлое и будущее сфокусированы настоящим – концепции времени (выше мы сказали о неприменимости существующих концепций времени к сегодняшнему истолкованию событий; однако это не говорит, что их следует отбросить навсегда). Значит, время, существуя в некоем миге, означено разделительной линией между бытием и небытием. В таком случае человек не живет временем, но содержание этого термина использует для приобщения к небытию как к тени бытия. Складывается ситуация «улыбки чеширского кота».

На диалектике бытия и небытия всплывает феномен религиозности. Иллюзия, о которой мы говорили, что она пребывает на бытийно-внебытийном пересечении, служит наглядным подтверждением того, что различие между бытием и небытием весьма условно. Такое развертывание диалектики бытия и небытия контекстом иллюзорного самовыражения ведет нас к анализу религиозности. Иллюзия служит предметным ее основанием.

Сама по себе иллюзия отдалена от религии. Важно то, как она может быть к ней применена. Прежде всего здесь должен присутствовать социопсихологизированный подход. Воспроизводя неадекватную отражательную

способность индивида, иллюзия прикрывает отмечаемую неадекватность наличием – применим словечко Ф. М. Достоевского (1821–1881) – «всемства» (т. е. того, что присуще всем). Индивидуальному сознанию иллюзия как претворение неполноценного отражения внедряет установку: «Ты, как и все, находишься за пределами существующего бытия». Это бывает тогда, когда иллюзорно задействованный верующий, посетив храм, воображает, будто он «там» – за пределами земного измерения (выходя же из молеельного помещения, он сразу обретает «земную почву» под ногами). Являясь социальным институтом (т. е. тем срезом общественных отношений, без которых он нереализуем), церковь берет под свою духовную защиту множество сторонников религии.

Христиан сегодня – свыше двух миллиардов: цифра значительная, если иметь в виду влияющие на человечество внеиллюзорно-отрезвляющие достижения научно-технической революции (НТР). Церковь заражает верующих агитацией за пребывание в «мире не от мира сего». В *Библии (Новый Завет)* этому соответствует деятельность *Иисуса Христа, апостолов*.

Отмечаемая двойственность содержания иллюзорной реальности является условием ее «религиозной ностальгии». Дело обстоит следующим образом. Как мы помним, зрительная иллюзия изначально поглощена зрительным ощущением, занимая в нем второй – внутренний – слой. Рациональный уровень человеческой духовности как сложившееся познание приобщен к нему – внутреннему слою – благодаря связанному с иллюзией зрительному ощущению. Чувственное раскрытие реальной действительности в гносеологическом плане есть очевидное *незнание*. В. И. Ленин (1870–1924) пишет: «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [2, с. 102]. Значит, отражение как таковое (уподобляемое *незнанию*) вовсе не является знанием, но служит его предпосылкой. Это становится понятным, если иметь в виду, что ощущения связаны с поглощением информации для отправки ее на интеллектуальный уровень субъекта деятельности, где переработанная информация наконец-то предстанет знанием. Оперировав информацией в становящемся знании, интеллект самым внимательным образом исследует отражательный уровень познания (это говорит о том, что осмысление результатов познания является высшим выражением человеческой духовности). Он отделяет информацию от ее субъективного преломления, результатом которого – видим мы – становится иллюзия. Ведь иллюзию субъект использует в непосредственно чувственном самоутверждении. И здесь важно, как поведет себя познавательный срез нашего «Я».

Говоря предельно широко, человеческий разум как орган познания мира способен отвлекаться от прямой связи с субъектом-индивидом во имя единения с субъектом-коллективом. Выходя на уровень обобщающей социальной деятельности, он может – и такое случается нередко – пренебречь

рядовыми, т. е. бытовыми, интересами индивида во имя «высших» целей, встающих уже перед обществом.

Пристальное внимание рассудка к бытообустройству отдельного субъекта приводит к абсолютизации зрительных иллюзий, которые начинают вести сознание за собой – с далеко не ясными последствиями.

Фантазия как продукт иллюзорной реальности. Использовать сложившиеся концепции времени! – Не все в них устарело. По ходу изложения обратим внимание на такую важную сторону иллюзии, как *фантазия*. Ее становление связано с тем, что, согласно статической концепции времени (последняя настаивает на его приобщенности к внутренним переживаниям субъекта: они, как и Вселенная, тоже озарены «лучами времени»), содержание которой психологически проживаемо нами как одновременно «свернутое» целое из прошлого, настоящего и будущего (т. е. эти три временных ряда сосуществуют «здесь и теперь»): каждый из них незамедлительно погружен в прошлое, настоящее и будущее, и это требует специально расширенного – его мы здесь опускаем – разъяснения). Но коли так, фантазия как выражение опережающего будущего, вписываясь в статическую концепцию времени, выводит прошлое и настоящее в сферу внеиллюзорного, предметно защищенного бытия. Значит, фантазия, ограничиваясь рамками иллюзорности, вовсе не мирится с созданным положением и прокладывает затененную от иллюзий «дорогу свободы» для трезвого человеческого существования или даже бытия (в данном случае существование, обращившись бытием, в рамках фантазии реализует действительное, а не мнимое целеполагание). Статическая концепция времени интересна в том отношении, что на типично иллюзорном материале она демонстрирует образец его преодоления. И это же подчеркивает то важное положение, соответствующее которому иллюзия заслуживает серьезного к себе отношения. Поэтому все, что складывается в иллюзорном контексте, несет серьезную информацию для размышления.

Выше было сказано о том, что, согласно динамической концепции времени, происходит совмещение прошлого и будущего в едином порыве настоящего. Здесь можно говорить только о настоящем, не употребляя слово «время». Действительно, в рамках динамической концепции времени слившиеся прошлое, настоящее и будущее подчеркивают положение, согласно которому бытие и небытие образуют тождество за счет элиминации линии пересечения между настоящим и прошлым и отмечаемая элиминация перечеркивает время. Значит, бытие и небытие становятся амбивалентно соотносимыми: они разносторонне дополняют друг друга. И время как условие их замещения, т. е. когда бытие уходит в небытие, выпадает из принадлежащей ему роли, становясь своеобразной фикцией (или иллюзией). В таком случае речь может идти о так называемой пограничной ситуации, меняющей сложившееся на базе существующих традиций поведение субъекта. Пограничная ситуация связана с утверждающимся целеполаганием, занимающим будущее в пределах «пограничного» единения прошлого, настоящего и будущего. Ведь, как мы отметили, пограничная ситуация поглощает

их, и они выступают настоящим, или «теперь». Следует заметить, что пограничная ситуация наглядно свидетельствует о том, что время, если оно реально, то «проплывает» благодаря человеческой деятельности. Животные существуют вне переживания времени, поскольку их жизнедеятельность определена ритмами природы, находящими себя в смене дня и ночи, времен года или же больших космических циклов. Время же как достояние социума складывается под влиянием сознательного отношения к переживаемой людьми изменчивости.

В этой связи субстанциальная и реляционная концепции времени отражают такое его понимание, когда оно для человека наличествует как некая вполне самостоятельная «вещность». В определенных условиях обе эти концепции сыграли роль организаторов (классической) науки. Однако сегодня ситуация меняется, и время приобретает новое назначение, сложившееся в условиях НТР с ее массовой индивидуализацией социума. Это прежде всего следует иметь в виду, и к этому новому пониманию времени нынешняя наука движется. Важно это и для создания уюта применительно к отдельно взятому субъекту, где бы иллюзия играла более защитительную роль. При этом следует быть осторожным с нашим переживанием времени. Не следует – еще раз повторимся – начисто отказываться от некогда сложившихся концепций времени. В науке они играли свою положительную роль, стимулируя ее дальнейшее развитие. Так, субстанциальная концепция времени определила становление ньютоновской физики, реляционная – создание теории относительности, динамическая содействовала экзистенциальному рассмотрению личности *нового* человека. Вместе с тем мы знаем, что эволюция науки постоянно требует пересмотра используемых ею установок. Мы уже наблюдаем, как наука меняет разворачивание временного ряда ввиду – как выше было сказано – отхода от его прежнего понимания. Это может быть обусловлено за счет новой – трансдисциплинарной – методологии как важного средства в рассмотрении негэнтропийности, определяющей переход от неживого к живому (опираясь на синергетику, наука в целом делает первые шаги в этом направлении). Могут быть и другие резоны обращения науки к очеловеченному – благодаря пограничной ситуации – временному ренеме.

Иллюзия зрения в перипетиях между антропным и телесным началами в индивиде. Рассматривая иллюзорно-бытовой аспект зрения, мы – как сказано выше – обнаружили в нем два слоя, или уровня. Это свидетельствует о том, что поступающая на органы чувств информация просеивается через сито телесных потребностей. Тело как условие жизнеобеспеченности субъекта стремится ограничить поступление информации, даже если это противоречит познавательным возможностям индивида. Такое положение объяснимо, полагаем, тем, что между телесной данностью, т. е. тем, что может быть охарактеризовано как антропное начало в человеке, и тем компонентом субъекта, которое отвечает за его социализацию, могут складываться неустоявшиеся отношения, под воздействием чего телесное в человеке и социальное в нем оказываются далекими от «взаимопонимания». Социаль-

ное в субъекте (согласно психоанализу) стремится подчинить себе его антропологическую структурированность, и это приводит к стрессу, которого следует избегать. Субъект осуществляет это благодаря воспроизводимой им – через просеивание (о чем речь шла выше) воспринимаемого инфомассива – зрительной иллюзорности. Иллюзия успокаивает субъекта, выводит его за стрессовую полосу, ставит индивида в «домашнее» положение, помогает ему преодолеть угнетенность. Отсюда становится важным переход от противоречия к тупиковости.

Тупик как стимул религиозных всплесков. Тупик – продолжим изложение «тупиковой темы» – своеобразный закрытый для развития ареал, предназначенный усилить энтропию телесной организации субъекта. Тупик свободен от гармонии, в нем преобладает хаос как условие перестройки диалектики тела с целью более успешной организации взаимодействия его антропной и социальной структур. Задействованная отмечаемой процессуальностью иллюзия играет в данном случае важную роль по спецификации человеческой телесности при ее обновлении в ходе общения с насыщенным интеллектом социальным началом. Мы должны постоянно помнить, что вбираемая нашими ощущениями информация в ходе современной НТР превращается в гигантский инфомассив. Не в силах с ним справиться, наши иллюзии преисполнены решимости оградить «антропос» от ураганной информации, все сметающей на своем пути. Иллюзии играют здесь весьма конструктивную роль. Благодаря им информация затухает в иллюзиях, и открывается возможность осуществить очередной виток религиозной духовности. Так оно и происходит, и мы видим, как на усиливающейся информационной основе прорастает семя новой религиозности. Этим, в частности, обусловлена борьба религиозных *фундаментализма* и *модернизма*.

Иллюзорность используется телом для «обкладывания» его новыми слоями «религиозной суггестии». Религия в данном случае выполняет конструктивную роль из-за предоставления телу необходимой передышки от «социальных забегов» научно-технического прогресса (НТП). С ним тело, отлаженное «тысячелетними давностями», решительно не справляется. Оно переживает историческое старение. Мы знаем, что стареет металл в технических устройствах (самолеты, различного рода наземные механизмы). Тем более это касается человеческой телесности.

Вместе с достижениями прогресса усиливается роль зрительной иллюзии. Ее место в жизни субъекта явно расширяется. Рассмотрим еще одну важную составляющую иллюзии, связанную с разобранной выше динамической концепцией времени. Речь шла о том, что временные периоды здесь уступают место так называемому совмещенному времени. Это происходит в границах пограничной ситуации, когда субъект переживает бытийно-небытийные «приоритеты». В таком случае, как выше было упомянуто, время как субъективно насыщенная данность растворяется при наложении бытия на небытие, и происходит то, благодаря чему мгновенно сорганизуемый вариант времени осуществляет далеко идущее целеполагание. Оно свидетельствует о том, что будущее, содержащееся в погранично ис-

полным настоящим, чем-то напоминает космологическую сингулярность, с которой начинает раскрываться Вселенная, и Большой адронный коллайдер настроен на выявление начальной стадии ее существования (допустимый аналог этому процессу – «мини-коллайдер» в форме обыкновенной зрительной иллюзии; конечно, данное сравнение хромает, но не настолько, чтобы от него отказаться).

Мы пытаемся рассматривать иллюзию как выражение такого обязательства человека перед самим собой, когда бы он, постигая собственные тайны, оказался приобщенным к ним – с целью отстаивать жизненные ценности как при опоре на иллюзии, так и на их «погашении». Являясь информационным фильтром, иллюзии не только преодолеваются с помощью радио, одновременно с этим они содействуют тому, что позволяет каждому из нас более точно выверять соотношенность разума и (не религиозной) веры, идущей из внутреннеощущаемых человеческих глубин. Эта вера имеет большой духовный задел, и с помощью иллюзорной составляющей нашего «Я» вера обретает внешневыразимую направленность. Конечно, вера выходит на уровень рациональной обеспеченности в границах мировоззрения – через присущие ему убеждения. Однако иллюзия содействует тому, чтобы неисчислимые потоки информации не «перепыхивали» мировоззренческий задел в его убежденческой завершенности.

Из сказанного видно, что многообразие функций иллюзорной составляющей нашего «Я» получает разноаспектное подтверждение как в рамках человеческой телесности, так и за ее пределами – теперь уже в границах индивидуализированного интеллекта. Вступая в зрительно-отражательный процесс, рассмотренная иллюзия занимает в нем определенное положение. Оно таково, что, опираясь на него, мы решаем задачу по сохранению зрительно-отражательной деятельности. Иллюзии по-своему корректируют информационный поток. Если он отягощает отражение своей массивностью, иллюзии сдерживают его наступление на более высоком этаже сознания, связанном с корой больших полушарий. Как неадекватно отражательный процесс иллюзии вместе с тем составляют часть отражательной системы, корректирующей их возможности. Оберегая организм от непомерно объемной информации, иллюзии выполняют свои функции, сопряженные с обеспечением бытообустроенности индивида. Но предохранительные функции, осуществляемые иллюзиями, также приурочены к отражению. Это видно по тому, как иллюзии разнообразят интересы индивида, усиливая в нем мотивы живой жизни. Включаясь в процесс отражения, иллюзии зрения – в случае необходимости – содействуют его затуханию. Свертывающееся отражение не утрачивается. Находящаяся в нем знаково запечатлеваемая информация скрывается в подсознании индивида. В случае необходимости она вызволяется оттуда, принимая активное участие в интуитивно-духовных построениях. Сама информация, имея основой материальную действительность и функционально ее воспроизводя, лишена «материального заряда». Идеальной же она становится в условиях перевода ее в знание, т. е. в наше умение оперировать информацией. Переходя в знание и поглощаясь духовной сфе-

рой индивида, эта «размазанная» информация воплощается идеальным началом – теперь уже в границах знания. Исчерпав себя в знании, она, растворившись в нем, исчезает. Вместе с информационной самоутратой иллюзорно-бытовые аспекты зрения строят воображаемый мир.

Вместо заключения. Зрительная иллюзия усиливает сложившиеся уровни бытия. Складывается иллюзорно-компенсаторная сфера жизнедеятельности. Возвышаясь над информацией, она несет новые реалии. Что представляют они собой? Прежде всего следует отметить их многомерно усиленную субъектную насыщенность. Они – далее – выставляют поведение субъекта в его уникально исполненной неповторимости. И, наконец, человек обладает тем, что, воспроизводясь субъектом, поднимается над «необозримой твердью». Духовно настраиваясь, он способен, образно говоря, преодолеть земное притяжение благодаря информации, превратившейся в знание. Знания, возводимые до небес человеческим интеллектом, служат показателем такого преодоления. Мысленно охватывая Вселенную, Человек (здесь как имя собственное), вынося с помощью различных способов научения (например, оперируя медитацией) таящиеся в нем архаические пласты ментальности в современные очертания, сочетает их с повседневно воспроизводимой настроенностью социума, выстраивая поле так называемой метисированной духовности [1, с. 36–40]. Зрительная иллюзия принимает в этом активное участие, усиливая независимость индивида от реальной действительности. Данное важное положение свидетельствует о том, что отмечаемый нижележащий уровень – уровень архаики – в снятом виде присутствует в верхних этажах формируемой человеком духовности. Складывающийся «горный» мир раскрывает новые горизонты бытия. Человек обретает полноту самовыражения. Оперируя зрительной иллюзией, он использует ее как конструктивно отлаженную. Если ранее эта иллюзия выступала в качестве неадекватного воспроизведения действительности, то теперь она – равноправный со всеми другими видами духовной деятельности участник строительства зависающей над XXI в. грандиозной реальности. Эта реальность в условиях общественного согласия ставит человека на высшую ступень бытия, отождествляемую нами с сущим.

Список литературы

1. Коноплев Н. С. Историческая выводимость восточно-сибирской – метисированной – духовности. К постановке вопроса // Россия и Восток: взгляд из Сибири : материалы и тез. докл. XI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 13–16 мая 1998 г.: в 2 т. / под ред. В. И. Дятлова, В. П. Олгаржевского. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1998. Т. 1. С. 36–40.
2. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М. : Изд-во полит. лит., 1961. Т. 18. С. 7–384.

Illusory-Everyday and Illusory-Religious Aspects of Perception of Vision

N. S. Konoplev

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper deals with the perception of vision in the context of revealing its religious and everyday constituents, that have both positive and negative multi-aspect impact on the information received from outside. The author states that under the influence of the scientific and technological revolution the illusory nature of vision can be rearranged with solely positive dedication.

Keywords: visual sensations, time, illusions, fantasy, mode of life, religion, existence, non-existence, negative dialectics, positive dialectics, deadlock situation, anthropic and physical principle in an individual.

For citation: Konoplev N. S. Illusory-Everyday and Illusory-Religious Aspects of Perception of Vision. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2019, vol. 27, pp. 55-66. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.55> (in Russian)

References

1. Konoplev N.S. *Istoricheskaya vyvodimost vostochno-sibirskoy – metisirovannoy – dukhovnosti. K postanovke voprosa* [The historical deducibility of the East Siberian – metisation – spirituality. On the statement of the problem]. Russia and the East. Ed. by V.I. Dyatlov, V.P. Oltarzhevsky. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1998, vol. 1, pp. 36-40. (in Russian)
2. Lenin V.I. *Materializm i empiriokrititsizm* [Materialism and empiriocriticism]. Vol. 18. Complete Works. Fifth edition. Moscow, Political literature Publ., 1961, pp. 7-384. (in Russian)

Коноплёв Николай Сергеевич
доктор философских наук, профессор
кафедры философии и методологии науки
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)243995
e-mail: philosophy@chair.isu.ru

Konoplev Nikolay Sergeevich
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Department of Philosophy and Methodology
of Science
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
tel.: 8(3952)243995
e-mail: philosophy@chair.isu.ru

Дата поступления: 18.02.2019

Received: February, 18, 2019